

Квасов Олег Николаевич*, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежской государственной лесотехнической академии, кандидат исторических наук.

Социальные аспекты террористической деятельности революционеров в Российской империи начала XX в.¹

Российская империя начала XX в. представляла собой социальный организм, находившийся в глубоком системном кризисе. Стирание этнических и сословных границ, размывание элементов традиционного общества и многие другие последствия ускоренной модернизации разрушали общественную стабильность и социальный мир империи. Исторический опыт автократического государства, разность общественных интересов и отсутствие механизмов политического согласования трансформировали дискомфорт социальной неопределённости в агрессию и насилие. Политические противоречия, наличие партий и движений, стратегией и тактикой преобразовательной деятельности выбравших революционный экстремизм, предопределили резкий всплеск политического терроризма.

Исторические исследования последних десятилетий много дали для понимания феномена революционного экстремизма. Основательно изучены природа политического насилия и идеология левого радикализма, на фактических материалах обоснована существенная роль террора в российских политических событиях², появились исследования различных аспектов феномена политического экстремизма начала XX в. Однако далеко не полно изучен организационный механизм революционного террора, неясна его роль в региональных и национальных процессах начала XX столетия, фрагментарно представляется динамика террористической деятельности в революционных процессах. Одним из неопределённых

* kvasovoleg@yandex.ru.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект РГНФ № 14-01-00351.

² *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. / Р. А. Городницкий. М. : РОССПЭН, 1998. 240 с.; *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917 / Анна Гейфман ; пер. с англ. Е. Дорман. М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с. (Серия "Экспресс"); *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.) / О. В. Будницкий; отв. ред. Б. С. Итенберг. М. : РОССПЭН, 2000. 400 с.; *Квасов О. Н.* Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.) / О. Н. Квасов. Воронеж : ВГУ, 2005. 224 с.; *Варфоломеев Ю. В.* "Русский способ": Феномен революционного терроризма в России начала XX века / Ю. В. Варфоломеев // Российский исторический журнал. 2008. № 2. С. 3–51.

вопросов остаётся социальный портрет террористов и жертв революционного насилия, активно дискутируются мотивация рядовых боевиков и целый комплекс вопросов, связанных с кадровым составом террористических формирований, что является важным условием для понимания феномена революционного терроризма начала XX в.

В научной литературе до сих пор не сложилось однозначного определения понятия "терроризм", причём это касается не только исторических наук. В уголовном праве террористические преступления определяются фактическим перечислением состава преступных деяний, что позволяет избежать политической ангажированности, но не характеризует сути явления³. Исследователи солидарны в том, что под "террором" понимаются преимущественно формы и методы насилия, применяемые государством, а под "терроризмом", напротив, методы политической борьбы, используемые против государственных органов и служащих, причём критерий различия носит условный характер. В нашем исследовании терроризм понимается как способ социально-политической борьбы, включающий в себя систематическую эскалацию насилия на микроуровне с целью решить макропроблему. В данном определении за основу берутся *активная направленность* терроризма на насилие, что встречается абсолютно во всех его проявлениях; *систематичность*, включающая в себя упорядоченное использование террористических актов, что возможно лишь при определённой организованности; и *попытка решить глобальную проблему с помощью террора* за счёт второстепенных, субъективных факторов: убийства лидеров, искусственной дестабилизации работы правительственного аппарата, всеобщего устрашения и др.

Насилие было и остаётся важнейшим фактором социальных и политических отношений. Это даёт основание утверждать, что терроризм существовал с древнейших времён и в обозримом будущем не исчезнет. Вместе с эволюцией общественных и политических структур менялись и формы терроризма, среди которых выделяются убийство тиранов (тираномахия, тиранцид), убийства политических лидеров (аттентат) и собственно террористическая деятельность, в основе которой лежит организация упорядоченного насилия. Разнообразие форм терроризма связано с известным законом повышения роли социального фактора в истории. Безусловно, терроризм является субъективным моментом в политическом процессе, однако в периоды глубоких и долговременных кризисов мало-значительное событие может порой оказать решающее влияние на выбор направления общественно-политического развития. Апелляция к насилию и общественной значимости феномена – исторически сложившаяся традиция, поэтому терроризм нередко становился значимым фактором влияния.

Отмечавшееся современниками событий начала XX в. массовое критическое отношение российского общества к государственной власти и самому императору, особенно в начальный период Первой российской революции (1905–1907 гг.), отразилось и на рекрутировании личного состава боевых организаций. По имеющимся источникам, социальный

³ Автор упускает из виду, что уголовное право вбирает в себя как тексты нормативных актов, которые действительно касаются составов преступлений, так и науку уголовного права. Последняя даёт характеристики явлений. – *Прим. ред.*

состав террористических групп можно определить достаточно точно на примере партии социалистов-революционеров (ПСР), наиболее последовательно использовавшей терроризм как способ политической борьбы. Их состав не был единообразным и различался по статусу и территориальному размещению групп, поэтому часто встречающаяся в литературе цифра в 50 % пролетарского элемента в среде эсеровских террористов условна и неконкретна. Среди членов подчинённой ЦК ПСР Боевой организации (БО ПСР) в 1901–1911 гг. был 91 человек, из них 20 дворян, 6 почётных граждан, 6 детей священников, 13 детей купцов, 37 мещан и 9 крестьян⁴. Как видно, большинство составляли дворянско-интеллигентские слои общества. Состав следующего уровня террористических организаций ПСР – областных летучих боевых отрядов, определён историками В. Лейкиной-Свирской и К. Гусевым. Обработав данные о 205-ти терактах, совершённых эсерами в 1902–1911 гг., первая подсчитала, что "в списке террористов, о которых можно было собрать сведения (всего 149 человек), оказались 42 интеллигента, 13 студентов, 10 учащихся, 69 рабочих, остальные – крестьяне, солдаты, матросы и др."⁵ К. Гусев же на основе того же источника предлагает другие цифры: 62 рабочих, 14 представителей интеллигенции, 9 крестьян, 18 учащихся, 2 солдата и 2 матроса⁶. Данный анализ нельзя воспринимать буквально, но общая тенденция выравнивания дворянско-интеллигентских и рабоче-крестьянских слоёв на этом уровне террористических организаций очевидна.

Следующим статусным звеном террористических подразделений можно признать боевые дружины губернского подчинения. Эсер-боевик Н. Комаров так оценивал их контингент: "...В областях Северной (с тяготением к Петербургу) и Центральной (с тяготением к Москве) боевые дружины состояли в большинстве из революционной интеллигенции и отчасти из рабочих; состав боевых дружин Поволжской области был интеллигентско-крестьянский, а Украинская область, объединявшая крестьянские и промышленные губернии юга России, имела в составе своей боевой дружины отчасти крестьян, но главным образом рабочих"⁷. Историк К. Морозов считает, что кавказские и уральские боевые дружины эсеров состояли полностью из рабочих⁸. Аналогичную характеристику можно применить и к социал-демократическим боевикам.

Неоднократно упоминаемое большое количество представителей социальных групп риска в анархистских формированиях связано с особенностями их идеологической и организационной структур. Вульгарно понимаемая философия безвластия привлекала своей бесконтрольностью,

⁴ *Городницкий Р. А.* Указ. соч. С. 235.

⁵ *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах / В. Р. Лейкина-Свирская. М. : Мысль, 1981. С. 247. Источником анализа стала книга "Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки" (М., 1918. 112 с.).

⁶ *Гусев К. В.* Рыцари террора / К. В. Гусев. М. : Луч, 1992. С. 34.

⁷ *Комаров Н.* Очерки по истории местных и областных боевых организаций партии социалистов-революционеров / Н. Комаров // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 57.

⁸ *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. / К. Н. Морозов. 2-е изд., доп. и испр. // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года : интернет-сайт. М. : РОССПЭН, 1998. 624 с. URL: <http://socialist.memo.ru/books/lit/morozov3/index.htm> (дата обращения: 11.07.2010).

что проявлялось в отсутствии в большинстве анархистских организаций жёстких требований дисциплины, отчётности и партийного контроля. Внутри анархистских организаций практически не сложилось специальных террористических подразделений, и хотя некоторая специализация присутствовала, организации строились на общей совместной деятельности, в том числе террористической. С 1906 г. появились псевдореволюционные полукриминальные группы, которые практиковали исключительно экспроприацию и наложили криминальный отпечаток на образ всего российского анархизма. Исследования показывают, что большую часть анархистов составляли рабочие. В. Ермаков из выборки в 300 российских анархистов определил долю пролетариев в 63 %⁹ (191 человек), среди екатеринославских анархистов рабочих оказалось даже 78,4 %¹⁰.

Учитывая скорость развития российских модернизационных и социально-экономических процессов второй половины XIX – начала XX вв., некоторые историки задаются вопросом, соответствовал ли вообще российский пролетариат классическим характеристикам класса. Солидаризируясь с этим мнением, можно говорить о маргинальных качествах российского рабочего, что во многом объясняет его склонность к групповым и экстремистским формам разрешения социальной напряжённости. Это проявится в большом проценте участия представителей пролетариата в революционно-террористических формированиях, а в дальнейшем – в их повышенной агрессии и непримиримости в социальных конфликтах, что выльется в череду революций и кровавую Гражданскую войну.

Большое число крестьян в террористических формированиях губернского уровня, более того – наличие среди уездных формирований исключительно сельских по составу террористических групп (в крестьянских братствах эсеров), является необычным социальным феноменом. Очевидно, что российское крестьянство находилось под прессингом тех же модернизационных процессов, что и все слои населения, однако всё же большая их часть оставалась феодальной. Феодальные, по существу, консервативные слои населения, к которым и относится крестьянство, обычно не склонны практиковать, а тем более в массовом порядке, террористические методы борьбы. Для этого им не хватает политического опыта и социальной мобильности, мешают локальность интересов и веками сложившиеся формы традиционных протестов, среди которых много форм индивидуальной борьбы (воровство, поджог, саботаж, убийства), но нет их планомерной организации и тактического обоснования. Исследователь крестьянства М. Эйдас в основе крестьянской борьбы видел "протест путём уклонения"¹¹, содержанием которого является

⁹ *Ермаков В. Д.* Портрет российского анархиста начала XX в. / В. Д. Ермаков // Социс. 1992. № 3. С. 98.

¹⁰ *Дубовик А., Дубовик А.* Деятельность "Группы екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов" (1905–1906 гг.) / Дубовик Анатолий и Дубовик Анна // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года : интернет-сайт. URL: <http://www.socialist.memo.ru/books/html/duboviki.html> (дата обращения: 11.07.2010).

¹¹ *Adas M.* From avoidance to confrontation: Peasant protest in precolonial Southeast Asia / Michael Adas // Comparative Studies in Society and History. 1981. Vol. 23, № 2. P. 34–53.

непубличное сопротивление с минимальной вероятностью индивидуального наказания. Известный американский антрополог Дж. Скотт назвал такие протесты "оружием слабых"¹².

Все разновидности феодальных (крестьянских) протестов можно свести к четырём основным группам. Во-первых, *формы латентного (скрытого) протеста низкой интенсивности*, в основе которых лежит невозможность активных действий. К таким протестам можно отнести бегство и уходы от феодалов, многочисленные скрытые и явные оскорбления при помощи фольклорных жанров (частушки, песни, байки) или неформальных каналов коммуникаций (сплетни, слухи, анекдоты). Как отмечали современники, резкое увеличение в начале XX в. количества преступлений против "имени Его Императорского Величества" предвещало крестьянский взрыв Первой российской революции. При кажущейся несущественности, особенно в сравнении с революционными способами борьбы, эти формы протеста разрушали феодальную субординацию и традиционность отношений, изменяли мифологичность сознания крестьянства.

Во-вторых, это *протестные действия экономического характера*. В основе этих действий – попытка самостоятельно достичь социально-экономической "справедливости". Этот вид протестов является основным в крестьянском сопротивлении. К нему можно отнести порубки и потравы, увоз и захват чужого имущества, различные формы саботажа. Огромным пластом этой борьбы становятся, как отметил Л. Милов, мелкие хозяйственные кражи, со временем превращающиеся в хроническое подворывание, и формы "ленивого протеста", т.е. лодырничанье¹³. Именно эти формы протеста, как отмечает историк В. Бабашкин, "позволяли (и позволяют) сводить на нет многие намерения и поползновения властей и делать это неуловимым и непонятным для последних способом"¹⁴. Исследователь аграрного движения, работающий с архивным материалом, подтвердит, что львиная доля крестьянских протестов – это мелкие конфликты, которые и статистически обрабатывать кажется неуместным. "Основной фронт борьбы крестьянства пролегал не там, где он усматривался обычно, не в открытых выступлениях и усмирении их властями. В целом такие события довольно редки, борьбу же – и напряжённую – крестьянство ведёт непрерывно. Но она осуществляется исподволь, повседневно, обыденно и тщательно маскируется под смирение, послушание и стремление жить "по-божески"¹⁵.

В-третьих, при повышении уровня сопротивления и увеличении вероятности карательных мер *использование индивидуальных или групповых форм протеста*. Преимущественно это агрессивные насильственные действия, попытки без прямого участия крестьянского общества разрешить

¹² Scott J. C. *Weapon of the weak: Everyday forms of peasant resistance* / James C. Scott. New Haven : Yale Univ. Press, 1984. 392 p.

¹³ Милов Л. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства / Леонид Милов // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 85–86.

¹⁴ Бабашкин В. Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической / Владимир Бабашкин // *Общественные науки и современность*. 1995. № 3. С. 106.

¹⁵ Бабашкин В. Крестьянская революция в России и концепции аграрного развития / Владимир Бабашкин // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 89.

проблему. При этом в силу обстоятельств и очевидной угрозы наказания исполнение чаяний общества берут на себя политические активисты, изгой или маргиналы. Формой борьбы становятся наиболее экстремистские её виды: от хулиганских выходов в виде битья окон до поджогов и убийств. При выраженном социальном антагонизме такие эксцессы достаточно обыденны. Так, только в Московской губернии за шесть лет XVIII в. (1764–1769 гг.) убийства и покушения крестьян были зафиксированы в 27-ми вотчинах: "При этом были убиты 21 помещик и 9 помещиц, кроме того, было 5 покушений на убийство". Не менее красноречивы данные по XIX в.: "В течение 19 лет (1836–1854 гг.) было, по официальным сведениям, 75 случаев покушений на убийство помещиков и помещиц, т.е. в среднем по 4 покушения ежегодно. Убийств же помещиков, по официальным сведениям, за 20 лет (1835–1854 гг.) было 144, т.е. 7 в год; за то же время было 29 убийств управляющих. В течение 9 лет (1835–1943 гг.) сослано было в Сибирь за убийство помещиков 298 крепостных крестьян и 118 крестьянок, всего 416 человек"¹⁶. Особенно многочисленными убийства управляющих именьями, консервативно настроенных сельчан, чинов полиции и местной администрации стали в период Первой российской революции (1905–1907 гг.). Формы индивидуальных протестов нередко перерастали в групповые действия, которые встречаются во всех национальных культурах. Фольклор воспеваает робингудство, опишки, пирали, абречество, хасхылар и прочие формы "общественно обусловленного личного героизма".

В-четвёртых, *крестьянский бунт* как форма коллективного исправления миропорядка. Именно эти действия крестьян вызывают наибольшую историографическую дискуссию. Если в них увидеть политические основания, т.е. осознанность причин выступления, спланированные тактику и стратегию, тогда вполне закономерными выглядят выводы о крестьянских войнах и движущей силе крестьянства в революциях. Но если эти действия трактовать как феодальный протест, т.е. как действия, основанные на мифологическом сознании, а не на осознаваемых причинно-следственных связях конфликта, тогда становится очевидной натянутость этих выводов. Исследователи неоднократно отмечали, что объектами агрессии крестьян становились символические образы социальной несправедливости – предметы роскоши, помещичьи усадьбы, отдельные управляющие именьями, земские начальники и прочие чиновники, в глазах крестьянства являющиеся причинами его несчастий. Выступления против царей не носили собственно антимонархического характера, а были направлены именно против конкретного "лже-царя". В своей массе крестьянство терпело любой посильный гнёт со стороны государства, достаточно вспомнить эксцессы крепостничества, петровские реформы или сталинскую коллективизацию, но при критически низкой легитимности властей крестьянство взрывалось феодальным разрушительным протестом. При этом, что также неоднократно отмечалось современниками и исследователями, бунт сопровождался обязательным коллективным, всеобщинным участием, и эта массовость носила не политический, а соборный характер.

¹⁶ Малиновский И. Кровавая месть и смертные казни / И. Малиновский. Томск, 1908. Вып. 1. С. 161–162, 168.

Считать аграрные протесты начала XX в. политическими можно уже за их масштабность и экстремизм. Однако сами крестьяне в подавляющем большинстве политического содержания в своих агрессивных действиях не видели, более того – стремились его исключить. Тем самым, по нашему мнению, целесообразно говорить не о применении терроризма крестьянством, а об использовании крестьянами и сельскими обществами предлагаемых политическими партиями "услуг" индивидуально-террористического характера в своих социальных интересах. Таким образом, необходимо различать крестьянские индивидуальные формы социальных протестов, получившие широкое распространение в период политических потрясений начала XX в., от акций революционного терроризма. Критериями такого различия являются систематичность и "публичность" акций. Крестьянские феодальные формы индивидуального насилия носили единичный местный характер, хотя в масштабах страны и стали типичным социальным явлением. В отличие от них политические акции стремились к систематичности и имели определённую тактику применения, а партийные комитеты старались максимально отразить эти события в пропагандистских и агитационных материалах.

К аграрному террору, под которым понимали стихийный протест крестьянства, насторожённо относились и сами революционные партии. Всероссийский крестьянский союз не вводил "аграрного террора в свою программу по следующим соображениям: (а) поджоги, убийства и т.п. не сплачивают всей крестьянской массы и не могут сделать группы Союза предводителями всей крестьянской массы, а стать таким руководителем является главной целью Союза и входящих в него групп; (б) аграрный террор грозит измельчением всему крестьянскому движению, отвлекая внимание крестьян от общих великих задач движения. Однако Союз признаёт необходимым не останавливаться перед насилием над людьми во всех тех случаях, когда охрана движения против насилий и ругательств начальствующих лиц, против предательств и провокации сделает это необходимым"¹⁷. Эти формулировки достаточно точно выражают точку зрения революционных партий на аграрный террор. Осознавая, что реальной возможности конструировать и направлять этот социальный экстремизм у партий нет, они посчитали за благо его не поддерживать, но и не отвергать полностью. Партии и группы с иными взглядами, которые потворствовали этой форме социальной борьбы (максималисты и анархисты), вероятно, до конца не осознавали разрушительных последствий и самих причин феномена.

Гендерный анализ революционного движения демонстрирует общую тенденцию возросшего участия женщин в террористических формированиях начала XX в. Американская исследовательница Э. Найт насчитала 44 женщины в террористических подразделениях эсеров¹⁸, из них 27 принимали непосредственное участие в осуществлении крупных эсеровских терактов¹⁹. В анархистских организациях Екатеринослава доля женщин

¹⁷ Карпов Н. Крестьянское движение в революции 1905 года в документах / Н. Карпов. Л. : Гос. изд-во, 1926. С. 43.

¹⁸ Knight A. Female terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party / Amy Knight // Russian Review. 1979. Vol. 38, № 2. P. 147.

¹⁹ Женщины-террористки в России / сост., вступ. ст. и примеч. Будницкого О. В. Ростов н/Д. : Феникс, 1996. С. 9.

составляла 11,6 %, по всей России – уже 16 %, а в БО ПСР эта доля увеличилась до 20,8 % (19 женщин). Такая тенденция вполне закономерно выделяет первенство в политической эмансипации женщин из крупных городов и населённых пунктов. Общей особенностью этого периода стала резко выросшая относительная доля женщин как в революционном, так и в террористическом движениях, что объясняется происходившими культурными изменениями в обществе. Женщина становится свободнее, отстаивает своё гражданское, политическое, человеческое равноправие, что проявилось в росте не столько неконвенционального поведения, сколько в активизации публичного поведения. По крайней мере доля женщин в политической преступности незначительно превосходила ту же долю в общеуголовной, которая в 1904 г. определялась в 12 %. В современном социально-политическом терроризме доля женщин составляет примерно 16–18 %. Если рассматривать терроризм не как форму политической борьбы, а как социальное явление, то, вероятно, стоит признать, что образ российского террориста, оказавшего большее влияние на общественное сознание и культуру, представляет собой интеллигентку, "жертвующую собой во имя народного счастья". Именно такими были Анастасия Биценко, сёстры Александра и Екатерина Измайлович, Зинаида Коноплянникова, Евстолия Рогозинникова, Мария Спиридонова, Мария Фёдорова и др.

Образовательный уровень террористов соответствовал среднему уровню развития грамотности в России начала XX в. Молодое поколение становилось читающим, однако уровень образования был невысок и напрямую связан с социальным положением и местом жительства. Имевших высшее или незаконченное высшее образование среди террористов было достаточно много, но только в центральных боевых подразделениях. Так, в БО ПСР их насчитывалось 50 человек, т.е. более половины. Однако на областном уровне такие люди были уже единичны. Городские боевики преимущественно имели среднее образование или ещё учились. Среди боевиков уездного подчинения лиц со средним образованием было мало. Крестьянские боевики имели максимум начальное образование, однако и безграмотные среди террористов встречались крайне редко.

Возрастной анализ состава революционных террористов даёт противоречивый результат. С одной стороны, среди них достаточно ярко выделяется роль совсем юных нигилистов в возрасте 15–19 лет. Некоторые исследователи эту долю определяют в размере 22 %²⁰. С другой стороны, в БО ПСР боевиков до 20-ти лет было всего 5 человек, т.е. немногим более 5 %. Основной состав (почти 73 %) составляли молодые люди в возрасте 20–30 лет. Сходная ситуация наблюдалась и во всех террористических подразделениях центрального и областного подчинения. Тенденция увеличения числа совсем юных боевиков в периферийных организациях проявляется во всех партиях. Причём, и это тоже отмечалось неоднократно, анархистские формирования, в особенности псевдоанархистские и полукриминальные, подчас сплошь состояли из гимназистов. Историк В. Комин из 93-х заключённых в одесскую тюрьму анархистов на декабрь

²⁰ Гейфман А. Указ. соч. С. 240.

1907 г. к возрасту моложе 20-ти лет относит 50 человек (54 %) ²¹. Именно это поколение, прильнувшее к революции на её закате и в большей мере увлечённое "мутной водой кризиса", а не социальными ожиданиями, отражалось в молодом лице боевизма. Это же подтвердило и статистическое исследование преступности несовершеннолетних за 1900–1910 гг., которое дало показательный рост за десятилетие на 112 %, причём особенно стремительно он стал проявляться с 1906 г. ²² Основной же состав боевиков был в возрасте 18–30 лет, т.е. люди, вполне способные ставить осознанные цели и действовать.

Важным аспектом в определении агрессивной направленности революционного экстремизма в Российской империи начала XX в. является национальная принадлежность террористов. Статистические данные, предлагаемые исследователями, дают интересные результаты. В состав БО ПСР входили 60 русских (66 %), 24 еврея (26 %), 4 поляка (4 %), 2 украинца (2,1 %) и 1 латыш (1 %). Национальный состав выборки из 300 российских анархистов иной: евреев – 145 человек (48 %), русских – 86 (29 %), украинцев – 42 (14 %), латышей – 10 (3 %), остальные 6 % – малое представительство иных национальностей ²³. В Центральном Черноземье на три сотни русских террористов всех партий пришлось 20 украинцев, 6 евреев и в единичных случаях – представителей иных национальностей ²⁴. В южном Екатеринославе к привычному представительству в анархистской организации русских (54,7 %) и евреев (18,9 %) добавились украинцы (21,1 %) и поляки (4,2 %). Практически аналогичным, по подсчётам Д. Павлова, был и национальный состав организации эсеров-максималистов: "Русских и украинцев – 76 %, евреев – 19 %, представителей закавказских национальностей – 3 %, прочих (белорусов, представителей прибалтийских национальностей) – 2 %" ²⁵.

Представленные данные свидетельствуют, что национальные территории, где в наибольшей степени было развито террористическое движение (Кавказ, Польша, Прибалтика), своего представительства в общероссийских революционно-террористических формированиях практически не имели, а еврейство по степени своего участия соперничает с имперобразующей нацией, русскими. Это кажется странным, но вполне укладывается в логику развития этносоциальных и политических процессов империи начала XX в. Именно в Польше и на Кавказе терроризм как форма политической и национальной борьбы будет взят на вооружение ещё за несколько десятилетий до окончания XIX в. Здесь первыми в империи появятся террористические подразделения со структурно и функционально правильной организацией и тактикой. Масштабы националистического терроризма в этих регионах будут опережать и превосходить все аналоги

²¹ *Комин В. В.* Анархизм в России : Спец. курс лекций, прочит. на ист. фак. пед. ин-та / В. В. Комин. Калинин, 1969. С. 114.

²² *Тарновский Е. Н.* Движение числа несовершеннолетних (10–17 лет), осуждённых в связи с общим ростом преступности в России за 1901–1910 гг. / Е. Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 10. С. 46.

²³ *Ермаков В. Д.* Указ. соч. С. 98.

²⁴ *Квасов О. Н.* Указ. соч. С. 131.

²⁵ *Павлов Д. Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции / Д. Б. Павлов. М. : Изд-во Всесоюзного заочного политехн. ин-та, 1989. С. 197.

революционного терроризма в империи. И если армянский терроризм первоначально будет направлен против османской Турции и только после царского закона от 12 июня 1903 г. о секуляризации имущества армянской церкви обратится против государственных служащих, то польский терроризм формировался и был направлен против имперских служащих изначально. Весь наиболее экстремистский потенциал этнического протеста будет выражен в националистическом терроризме и останется в пределах территории расселения, нацеленный в первую очередь против местных госслужащих. Естественно, что кроме национального движения на этих территориях активно развивалось и социально-экономическое движение. Взаимоотношения национального и других оппозиционных движений на окраинах империи в советской историографии рассматривались с точки зрения доминирования классовой борьбы и "двурушничества" националистов. В современных условиях категорическая однозначность оценки отсутствует. Отмечается, что в ряде регионов национальные вопросы играли иницилирующую и приоритетную роли в политических процессах²⁶. По крайней мере, факты показывают, что порождаемый модернизацией экстремизм этих регионов, получивший выражение в форме националистического терроризма, остался в пределах национальных территорий.

Наличие среди революционных террористов представителей Прибалтики и Польши является следствием жёсткой карательной политики царизма, обрушившейся на прибалтийские губернии в конце 1905 – начале 1906 гг. Ответом со стороны царского режима на развернувшееся в крае обширное партизанское движение были карательные экспедиции. Избежавшие ареста революционеры вынуждены были покинуть Прибалтику и вступить в экстремистские подразделения других регионов страны.

Темпы процесса модернизации наложили отпечаток маргинализации (в большей или меньшей степени) на все слои населения России. Однако особенно болезненно этот процесс происходил в еврейской среде. Ограничительная политика государства способствовала высокой урбанизации еврейства и ориентации на выбор "интеллигентных" профессий. Вековые устои патриархальности разрушались под воздействием социально-экономических факторов, вызывая в среде молодого поколения евреев национальные и культурные изменения. Этот процесс вкупе с "автоэмансипацией" драматически отразился в первую очередь на судьбе самих российских евреев. Благодаря этому российское еврейство играло отличительную роль как в российском революционном, так и в сионистском движениях, демонстрируя самые радикальные, крайние позиции. Это же определило и значительно больший процент евреев (относительно их общей численности) в террористическом движении России. Национальное отличие еврейства подчёркивалось и углублялось политикой государства, которое рядом запретительных и ограничительных мер всевозможного характера выстроило гигантскую стену отчуждения, что и направило фрустрационный взрыв еврейства на государственные органы и символы.

²⁶ Булдаков В. П. Кризис империи и революционный национализм начала XX века в России / В. П. Булдаков // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45.

В свою очередь, это способствовало и тому, что еврейство предпочтительно избиралось толпой как объект социальной агрессии.

Средний срок активной деятельности революционного террориста редко превышал более года. Основные потери террористические организации несли от полицейских арестов и гибели боевиков в ходе террористических акций. С 1906 г. массовыми стали выходы террористов из боевых организаций и переходы из одной партии в другую. Одними из основных условий продления боевой деятельности боевиков были их высокая бдительность и навыки конспирации, постоянные смены места жительства, партийного имени и паспортов. Стандартной была нелегальная деятельность на одном месте в течение не более 4–6 месяцев (особенно это касалось крупных административных центров). В рамках этих мер комитеты активно практиковали приглашение из других организаций или обмен боевиками. Причём он осуществлялся не только между соратниками по партии, но и между партиями. Обычным было боевое сотрудничество эсеров и максималистов, максималистов и анархистов, эсеров и социал-демократов. Приглашая для осуществления теракта боевиков из другого комитета или региона, революционные организации защищали себя от возможной внутренней провокации, провалов, повальных арестов и, главное, необходимости создавать свою террористическую группу, что было финансово и организационно обременительным. Сами боевики предпочитали менять не только партийные организации, но и регионы. С 1906 г. в террористических организациях стал ощущаться недостаток боевиков, что повлияло и на качество кадрового состава. В террористические предприятия стали втягивать подростков, распропагандированных уголовников, случайных попутчиков революции. Это сказалось на управляемости террористических групп, росте самодеятельности боевиков, партийном ренегатстве.

Современные попытки представить террористов преимущественно уголовниками, психически больными, наркоманами и обманутыми людьми не соответствуют действительности, хотя и отрицать определённого участия этих лиц в террористической деятельности нельзя. Однако они составляли, вероятно, лишь небольшую долю всех террористов, какая была бы характерна для любой "модной", пользующейся особым общественным вниманием деятельности. С другой стороны, предлагаемая точка зрения ассоциировать террористов и девиантов низводит проблему до индивидуальной случайности и социальной исключительности, не требующих научного изучения, хотя исторические прецеденты, генезис, массовость и масштабы развития терроризма это опровергают. Политический терроризм на протяжении истории из формы политической борьбы (тираномания, аттентат) неоднократно превращался в способ массовой социально-политической борьбы, и именно в этой способности мимикрировать коренится его главная социальная опасность.

Важнейшей характеристикой терроризма являются не только его исполнители, но и объекты покушения. Революционный терроризм начала XX в. кардинальным образом отличался от народовольческого не только масштабами и тактикой, но и объектами покушений. Именно последнее показывает, насколько политическая составляющая экстремистских

акций связана с социальными предпосылками. Программы партий, декларативные заявления лидеров, положения съездов и уставные отношения отдельных экстремистских подразделений характеризуют официальную партийную точку зрения. Анализ собственно объектов и жертв терроризма, количественные характеристики, причины и поводы совершения терактов позволяют конкретизировать направленность революционного терроризма. Сопоставляя содержание политических программ и фактическое положение вещей, можно говорить об управляемости процессов и анализировать собственно характер революционного экстремизма.

Стратегической целью революционного терроризма было переустройство общества. В зависимости от складывающейся политической ситуации ЦК ПСР декларировал приостановку или активизацию террористической деятельности, тем самым используя терроризм как тактическую меру. Уделяя огромное внимание активизирующей (эксцитативной) функции терроризма и считая, что удачно проведённый теракт способен подвигнуть общество на более решительные действия, эсеры видели в насилии и воспитательный посыл. Ни одна революционная партия и организация не отказывалась от терроризма как способа самозащиты от провокаторов, агентов полиции и охранки. Сущность спора о терроризме между эсерами и социал-демократами сводилась не к его отрицанию или поддержке, а к вопросу о продуктивности терроризма как средства политической борьбы. Конструктивные замечания в ходе полемики о неспособности отдельных политических убийств вызвать революционные сдвиги привели к совершенствованию террористической организации и расширили формы террористической борьбы. Партизанское движение, которое начали пропагандировать и социал-демократы, и эсеры, должно было стать универсальной формой терроризма, переходящей в массовое вооружённое восстание. Однако, как это стало очевидным уже во время октябрьских событий 1905 г., контролировать созданные боевые подразделения партии не смогли. Терроризм, порождённый и обусловленный идеологической мыслью революционных стратегов, в условиях Российской империи начала XX в. стремительно превращался в форму экстремистского выражения социального антагонизма, подминая под себя не только жертвы, но и террористические подразделения партий, деформируя их первоначальные функции, меняя цели и извращая деятельность. Наиболее наглядно это проявилось в объектах террористического насилия.

Определение количества жертв революционного терроризма начала XX в. – проблема сложная и не решённая. Известные исследователи О. Будницкий и А. Гейфман солидарно оценивают их число в 17 тыс. на основании критического анализа разнообразной статистики современников, которая уязвима по многим причинам. Из наиболее существенных недостатков статистических источников начала XX в. можно назвать отсутствие ясных критериев понятия "терроризм", совмещение категорий индивидуально-террористической, революционной (массовой) и уголовной преступности, отсутствие чётких или хотя бы однотипных параметров статистического учёта. Таким образом, имея несколько десятков очень разных статистических данных о жертвах революционного терроризма начала XX в., на данный момент мы можем говорить только о тенденциях его развития. Среди них можно выделить следующие:

– наибольшее количество жертв террористических актов приходится на 1907 г.;

– количество покушений делает резкий прогрессирующий скачок с октября 1905 г., а с конца 1907 г. резко идёт на спад;

– в годы Первой российской революции количество жертв среди госслужащих первоначально превосходило число жертв среди частных лиц; в 1906 г. эта разница начинает выравниваться, а в 1907 г. количество жертв среди частных лиц постепенно начинало превосходить (с 1908 г. уже в несколько раз) число жертв среди госслужащих;

– со второй половины 1906 г. резко увеличивается количество экспроприаций, причём с постоянным ростом грабежей частных капиталов, что значительно увеличивало и число жертв среди мирных жителей.

Партийная статистика эсеров, в которой отразились наиболее известные и запечатлённые в партийных изданиях теракты за 1902–1911 гг., указывала на скромную цифру в 205 покушений²⁷. Современные исследователи называют несколько иные цифры: К. Гусев – 263²⁸, М. Леонов – 247²⁹, а Д. Павлов за 1905–1907 гг. определил 233 эсеровских теракта³⁰. Неоднократно публиковавшаяся статистика объектной направленности эсеровского терроризма представлена К. Гусевым за период 1901–1911 гг.: 2 министра; 33 губернатора, генерал-губернатора и вице-губернатора; 16 градоначальников, начальников окружных отделений, полицмейстеров, прокуроров, их помощников, начальников сыскных отделений; 7 генералов и адмиралов; 15 полковников; 8 присяжных поверенных; 26 агентов полиции и провокаторов³¹. Необходимо отметить, что эти цифры многими исследователями и публицистами воспринимаются как образчик всего революционного терроризма, что далеко расходится с действительностью. Во-первых, представленные данные включают только опубликованные в партийной печати акции эсеров; во-вторых, эти цифры на порядок отличаются от совокупного количества революционно-террористических жертв; в-третьих, среди объектов К. Гусев назвал лишь 107 целей, по которым судить о тенденциях направленности всего революционного терроризма нельзя.

В фонде Департамента полиции (ДП) Государственного архива России имеется дело с проверкой сведений о пострадавших при террористических покушениях с февраля 1905 по май 1906 г.³², опубликованных в российском журнале "Практический врач". Эти данные наиболее информативны для социального анализа террористической деятельности

²⁷ Памятная книжка социалиста-революционера. Париж, 1914. Вып. 2. С. 96–112. В издании Московского комитета ПСР "Знамя труда" (1912, № 40) указывается 210 актов.

²⁸ Гусев К. В. Указ. соч. С. 34.

²⁹ Леонов М. И. Партия эсеров: середина 90-х гг. XIX века – 1907 г. / М. И. Леонов // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Наука, 2005. С. 401–413.

³⁰ Павлов Д. Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905–1907 гг. / Д. Б. Павлов // Непролетарские партии России в трёх революциях: сб. ст. М.: Наука, 1989. С. 149.

³¹ Гусев К. В. Указ. соч. С. 34.

³² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП ОО. 1906. Оп. 236. Д. 808. Ч. 1. Л. 1. При подсчёте, вероятно, допущена ошибка, суммарное число жертв по сведениям ДП – 1478, а не 1481, как указано в деле.

в начале революции. В деле указаны жертвы по 16-ти разнообразным категориям, причём совокупное количество данных проверки Департаментом оказалось немного больше, чем было указано в журнале, – 1478 против 1421. Число жертв среди частных лиц (категории "землевладельцы", "фабриканты и высшие служащие", "банкиры и крупные торговцы"), по сведениям ДП, насчитывает 134 человека и 177 человек – по сведениям журнала, что составило, соответственно, 9 и 12 % общего числа жертв и оказалось самой меньшей социальной категорией. Наибольшее количество пострадавших приходится на чиновников правоохранительных органов (категории "полицейские и их помощники", "исправники, приставы, околоточные", "городовые", "урядники и стражники", "офицеры охранных отделений и губернских жандармских управлений", "нижние жандармские чины", "агенты охранной полиции") – 956, по данным Департамента, и 756 – по сведениям журнала (65 и 53 % соответственно). Эти цифры достаточно убедительно показывают, что на начальном этапе революционного движения экстремизм имел выраженные политические цели. Поскольку на долю потерь среднего и нижнего звена правоохранительных органов приходилось 58 % (864), по сведениям ДП, или 42 % (594), по сведениям журнала, то можно также утверждать, что изначально революционная агрессия была направлена на мелких, легко уязвимых служащих власти, т.е. тех, кто раздражал и был в "шаговой доступности".

К активно используемым исследователями сведениям относят и указанные в двух телеграммах министра иностранных дел С. Сазонова послу в Лондоне А. Бенкендорфу данные о количестве жертв революционного террора среди чиновников³³. За 1905 г. указаны 591 человек, из них убитыми – 233, ранеными – 358. В 1906 г. – уже 1588, из них убитыми – 768, ранеными – 820. В 1907 г. число возросло до 2543, из них убитыми – 1231, ранеными – 1312. В 1908 г. число жертв снизилось до 1009 человек, из них убито 394, ранено 615. Таким образом, общее число жертв среди чиновников составило 2626 убитыми и 3105 ранеными. К официальной статистике можно отнести и данные, указанные в работе Н. Таганцева "Смертная казнь"³⁴. Автор ссылается на "цифры из сведений, сообщённых ДП третьей Государственной Думе". В работе отмечаются убитые и раненые должностные и частные лица за 1905–1908 гг. Цифры жертв среди чиновников полностью сходны с указанными в телеграммах С. Сазонова, а потери среди частных лиц составили в 1905 г. 162 человека (убитыми 52 и ранеными 110); в 1906 г. – 1044 (358 и 686); в 1907 г. – 3504 (1770 и 1734); в 1908 г. – 2904 (1436 и 1468). Общее количество жертв революционного террора в 1905–1908 гг. составило среди частных лиц 3616 убитыми и 3998 ранеными.

Анализ этой статистики указывает, что жертвы среди частных лиц на рубеже 1906–1907 гг. начинают превосходить потери госслужащих, о чём уже было сказано. Показатели яркие, красноречивые, но не имеющие более конкретной разбивки на социальные категории или род службы жертв, что требует для конкретизации анализа использовать и другие источники.

³³ Красный архив. 1925. Т. 1 (8). С. 242–243. Без данных за пять месяцев 1909 г.

³⁴ Таганцев Н. С. Смертная казнь : сб. ст. СПб. : Изд. М. И. Семёнова, 1913. С. 92.

Очевидно, что в смещении тенденций сыграли роль многие факторы. С середины революции террор расплывается, учащаются расправы над провокаторами, шпионами, дворниками, консервативно и монархически настроенными гражданами. Набирает масштабы анархистский терроризм, для которого характерным стало то, что он "носил стихийный и децентрализованный характер – каждый акт готовился и осуществлялся отдельными лицами и небольшими группами и был направлен прежде всего против представителей репрессивно-карательных органов и фабрично-заводского начальства низшего и среднего уровней: городских, полицейских офицеров и приставов, мастеров, инженеров и др."³⁵. На дальнейшее развитие террористических тенденций оказали воздействие два важных момента: во-первых, спад революции, снижение массового движения и рост критических оценок революционного экстремизма, которые повлияли на отказ от партийного терроризма во многих комитетах и организациях, и, во-вторых, столыпинский режим и "скорострельная юстиция", которые нанесли большой урон кадровому составу террористов, чем снизили их профессиональный уровень и переориентировали экстремистскую активность на гражданские незащищённые объекты. Тем самым революционный экстремизм с окончанием массового движения, значительно изменив свои цели, стал угасать.

Необходимо отметить, что антигосударственный терроризм в Российской империи имел длительную историю развития. Народовольческий и националистический терроризм (Кавказ, Польша) конца XIX в. был продолжен в революционных эксцессах начала XX в. Тяжёлые социально-экономические последствия модернизации и политический дискурс революции увеличили общественную поддержку террора, который нашёл благодатную почву в социальном экстремизме. Революционный терроризм 1905–1907 гг. был наиболее ярко выражен в акциях центрального террора и жертвах высших чиновников государства, но намного масштабнее и разрушительнее оказался социальный экстремизм, в акциях которого нашли выражение деструктивные последствия ускоренной модернизации.

Большая часть российской интеллигенции склонялась к пассивной поддержке революционной оппозиции, однако именно из её среды выйдут теоретики и вдохновители движения. Основными поставщиками деятельной революционной массы станут слои населения, которые в наибольшей мере испытывали социальное напряжение и "кризис ожидания" в условиях общественной аномии. Такими слоями, которые первыми ощутили тяжесть последствий ломки традиционных устоев жизни, стали большая часть маргиналов от пролетариата и мещанства, слой крестьян-отходников, представители эмансипированных слоёв национальных меньшинств. Навязчивое состояние эмоционального и бытового дискомфорта при наличии обиходного критического отношения к власти легко канализировалось в агрессию в первую очередь среди учащейся молодёжи. Эта возрастная тенденция политического экстремизма в дальнейшем будет неоднократно подтверждаться. В условиях социального кризиса именно молодёжь склонна психологически болезненные следствия трансформировать в агрессию, а при имеющейся определённой направленности

³⁵ Дубовик А., Дубовик А. Указ. соч.

политического процесса готова выражать её в форме политического экстремизма и террора. Политический строй Российской империи не только не соответствовал стремительно меняющимся социально-экономическим обстоятельствам, но и благодаря охранительно настроенному монарху и консервативной элите провоцировал выражение социального негативизма в наиболее экстремистских формах. Вследствие этого революционный терроризм начала XX в. перерос стадию формы и метода политической борьбы и стал социально-политическим явлением. Выразилось это в высоком количестве терактов относительно других форм борьбы, в социальном и количественном составе террористических групп, в статусном разнообразии террористических подразделений, в самой обстановке крайнего ожесточения и непримиримости борьбы с правительством, многочисленности, многоплановости и многообъектности терактов.

Ключевые слова: *революционный терроризм – социальный анализ – Российская империя начала XX в.*

Keywords: *revolutionary terrorism – social analysis – Russian Empire at the beginning of the XX century.*